

Начало «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Г. Киссинджер*

Подобно Моисею, Франклин Делано Рузвельт видел землю обетованную, но не дано ему было достичь ее. Когда он умер, союзные войска находились уже в глубине Германии, а битва за Окинаву, прелюдия к планируемому союзному вторжению на основные Японские острова, только началась.

Смерть Рузвельта 12 апреля 1945 года не была неожиданностью. Врач Рузвельта, встревоженный резкими колебаниями кровяного давления у пациента, сделал вывод, что президенту удастся выжить, только если он будет избегать какой бы то ни было умственной нагрузки. С учетом требований президентского поста, это заявление было равносильно смертному приговору¹. В какой-то безумный миг Гитлер и Геббельс, загнанные в западню в окруженном Берлине, поверили в придуманную ими же самими сказку, будто бы они сейчас явятся свидетелями повторения исторического события, названного в учебниках «чудом Бранденбургского дома»: когда в Семилетнюю войну, в то время как русские армии стояли у ворот Берлина, Фридрих Великий был спасен благодаря внезапной смерти русской императрицы и восшествия на престол дружественно настроенного царя. История, однако, в 1945 году не повторилась. Нацистские преступления обусловили, по крайней мере, одну общую для всех союзников цель: ликвидировать нацизм как источник бед.

Крах нацистской Германии и необходимость заполнить образовавшийся в результате этого вакуум силы привели к распаду военного партнерства. Просто-напросто цели союзников коренным образом расходились. Черчилль стремился не допустить господства Советского Союза в Центральной Европе. Сталин хотел получить в оплату советских военных усилий и героических страданий русского народа территорию. Новый президент Гарри Ш. Трумэн поначалу стремился следовать заветам Рузвельта и крепить

союз. Однако к концу его первого президентского срока исчезли последние намеки на гармонию военного времени. Соединенные Штаты и Советский Союз, два периферийных гиганта, теперь противостояли друг другу в самом центре Европы.

Социальное происхождение Гарри Ш. Трумэна, как небо от земли, отличалось от происхождения его великого предшественника. Рузвельт был признанным членом космополитического северо-восточного истеблишмента; Трумэн происходил из среднезападного деревенского среднего класса. Рузвельт получал образование в лучших подготовительных школах и университетах; Трумэн так и не поднялся выше уровня неполной средней школы, хотя Дин Ачесон со страстью и восхищением называл его настоящим йельцем в лучшем смысле этого слова. Вся жизнь Рузвельта была посвящена подготовке к занятию высшей государственной должности в стране; Трумэн был продуктом политической машины Канзас-Сити.

Избранный на роль вице-президента лишь после того, как первый назначенец Рузвельта Джеймс Бирнс был забракован профсоюзным движением, Гарри Трумэн своей прошлой политической карьерой не давал даже намека на то, что из него выйдет недюжинный президент. Не имея реального внешнеполитического опыта и руководствуясь лишь неясными намеками, оставленными в наследие Рузвельтом, Трумэн взялся за выполнение задачи по завершению войны и строительству нового международного порядка даже в условиях развала первоначальных планов, принятых в Тегеране и Ялте.

Как выяснилось, президентство Трумэна совпало с началом «холодной войны» и становлением политики сдерживания, которая в итоге и победила. Он вовлек Соединенные Штаты в первый за всю их историю союз мирного времени. Под его руководством Рузвельтовскую концепцию «четырех полицейских» сменила беспрецедентная система коалиций,

---

* Генри Альфред Киссинджер. Глава из книги «Дипломатия».

которая оставалась в течение сорока лет основой американской внешней политики. Будучи воплощением американской веры в универсальность ее ценностей, этот простой житель Среднего Запада призвал поверженных врагов вернуться в сообщество демократических стран. Он покровительствовал реализации «плана Маршалла» и «программы Четвертого пункта», посредством которых Америка выделяла ресурсы и технологию на дело восстановления и развития стран, далеких от нее.

Я встречался с Трумэном лишь однажды, в начале 1961 года, когда был доцентом Гарварда. Плановое выступление в Канзас-Сити дало мне возможность встретиться с экс-президентом в Трумэновской президентской библиотеке неподалеку от Индепенденса, штат Миссури. Прошедшие годы не отразились на его прекрасном расположении духа. Устроив экскурсию по библиотеке, Трумэн затем пригласил меня к себе в кабинет, оказавшийся точной копией Овального кабинета Белого дома во времена его президентства. Услышав, что я по совместительству работаю консультантом у Кеннеди в Белом доме, он спросил меня, что я из этого извлек. Опираясь на стандартную вашингтонскую коктейльную мудрость, я ответил, что бюрократия представляется мне четвертой ветвью власти, серьезно ограничивающей свободу действий президента. Трумэн не нашел это замечание ни забавным, ни поучительным. В нетерпении оттого, что с ним разговаривают, как он это назвал, «по-профессорски», он ответил резкостью и колкостью, а затем развернул передо мной свое представление о роли президента: «Если президент знает, чего он хочет, ему не может помешать никакой бюрократ. Президент обязан знать, когда следует остановиться и больше не спрашивать советов».

Быстро вернувшись на привычную академическую почву, я спросил Трумэна, каким именно внешнеполитическим решением он хотел бы более всего остаться в памяти. Он ответил без колебаний: «Мы полностью разгромили наших врагов и заставили их сдаться. А затем мы же помогли им подняться, стать демократическими странами и вернуться в сообщество наций. Только Америка сумела бы это сделать». После этого Трумэн прошел вместе со мной по улицам Индепенденса к простому дому, где он жил, чтобы познакомить меня со своей женой Бесс.

Я пересказываю эту краткую беседу, потому что она полностью отразила суть трумэновской истинно американской натуры: ощущение величия президентского поста и ответственного характера президентской деятельности, гордость могуществом Америки и, превыше всего, веру в то, что истинное призвание Америки — служить светочем свободы и прогресса для всего человечества.

Трумэн приступил к самостоятельному исполнению президентских обязанностей, выйдя из глубокой тени Рузвельта, который после смерти превратился в почти мифическую личность. Трумэн искренне вос-

хищался Рузвельтом, но в конце концов, как и подобает каждому новому президенту, стал рассматривать свой пост, унаследованный от него, как проекцию собственного опыта и собственных ценностей.

Став президентом, Трумэн ощущал гораздо в меньшей степени, чем Рузвельт, эмоциональную обязанность хранить единство союзников; для выхода из изоляционистского Среднего Запада единство между союзниками было скорее предпочтительным с практической точки зрения, чем эмоционально или морально необходимым. Не испытывал Трумэн и преувеличенного восторга по поводу военного партнерства с Советами, на которые он всегда взирал с величайшей осторожностью. Когда Гитлер напал на Советский Союз, тогда еще сенатор Трумэн оценивал обе диктатуры как морально эквивалентные друг другу и рекомендовал, чтобы Америка поощряла их сражаться насмерть: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы обязаны помогать России, а если будет побеждать Россия, то мы обязаны помогать Германии, и пусть таким образом они убивают друг друга как можно больше, хотя мне ни при каких обстоятельствах не хотелось бы видеть победителем Гитлера. Ни один из них ни во что не ставит данное им слово»².

Несмотря на ухудшение состояния здоровья Рузвельта, Трумэна за все три месяца пребывания на посту вице-президента ни разу не привлекали к участию в выработке ключевых внешнеполитических решений. Не был он и введен в курс дела относительно проекта создания атомной бомбы.

Трумэн получил в наследство международную обстановку, где демаркационные линии определялись сходящимися друг с другом передовыми рубежами армий с востока и с запада. Политическая судьба стран, освобожденных союзниками, еще не решилась. Большинство традиционных великих держав приспособивались к новой для себя роли. Франция оказалась повержена; Великобритания хотя и победила, но была истощена; Германию разрезали на четыре оккупационные зоны: если с 1871 года она пугала Европу своей силой, то теперь, бессильная, угрожала хаосом. Сталин передвигал советскую границу на шестьсот миль к западу, до Эльбы, по мере того как перед фронтом его армий образовывался вакуум вследствие слабости Западной Европы и планируемого вывода американских войск.

Первоначальным инстинктивным порывом Трумэна было поладить со Сталиным, особенно поскольку американские начальники штабов все еще жаждали советского участия в войне против Японии. Хотя Трумэна обескуражила непреклонность Молотова во время первой встречи с советским министром иностранных дел в апреле 1945 года, он объяснял трудности разностью исторического опыта. «Нам надо твердо держаться с русскими, — заявил Трумэн. — Они не умеют себя вести. Они похожи на слона в посудной лавке. Им всего двадцать пять лет.

Нам уже больше ста, а британцы на несколько веков старше. Мы вынуждены научить их, как себя вести»³.

Это было типично американским заявлением. Основываясь на предположении о наличии основополагающей гармонии, Трумэн объяснял разногласия с Советами не противоположностью геополитических интересов, а «неумением себя вести» и «политической незрелостью». Иными словами, он верил в возможность склонить Сталина к «нормальному» поведению. И когда он осознал, что на самом деле напряженность между Советским Союзом и Соединенными Штатами проистекает не по причине какого-то недоразумения, а носит врожденный характер, началась история «холодной войны».

Трумэн унаследовал главных советников Рузвельта, и его президентство началось с попытки и далее развивать концепцию своего предшественника относительно «четырех полицейских». В обращении от 16 апреля 1945 года, через четыре дня после вступления в должность, Трумэн в мрачных тонах обрисовал контраст между мировым содружеством наций и хаосом и счел, что единственная альтернатива глобальной коллективной безопасности — анархия. Трумэн вновь подтвердил верность идеям Рузвельта, заявив, что специфической обязанностью союзников военных лет остается сохранение единства между ними, чтобы установить и сберечь новый мирный международный порядок, а самое главное — защищать принцип отказа от применения силы при разрешении международных конфликтов:

«Ничто не может быть столь важным для будущего мира во всем мире, как непрерывное сотрудничество между нациями, собравшими все свои силы, чтобы сорвать заговор держав „оси“ в целях достижения ими мирового господства.

И поскольку эти великие государства обладают особыми обязательствами в отношении сбережения мира, то основой для них является обязанность всех государств, больших и малых, не применять силу в международных отношениях иначе, как в защиту права»⁴.

Похоже, составители речей Трумэна не думали, что обязаны вносить в его тексты какое-то разнообразие, а возможно, считали свой стандартный текст не нуждающимся в правке, ибо это положение было дословно повторено в речи Трумэна от 25 апреля на организационной конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.

Но, несмотря на цветистую риторику, голые геополитические факты приземляли ситуацию. Сталин вернулся к прежней тактике ведения внешней политики и требовал платы за свои победы в единственной валюте, воспринимаемой им всерьез, — в форме контроля над территориями. Он понимал, что такое сделка, и готов был участвовать в торге, но лишь постольку, поскольку речь шла о конкретных *quid pro quo* — как-то сферах влияния, или он мог торговать коммунистическим влиянием в Восточной Европе

в обмен на конкретные выгоды вроде массивной экономической помощи. Зато абсолютно вне пределов понимания этого одного из наиболее беспринципных лидеров, когда-либо возглавлявших великую державу, находилось то, что внешнюю политику можно основывать на коллективной доброй воле и на фундаменте международного права. С точки зрения Сталина, встречи лидеров мирового масштаба с глазу на глаз могут зафиксировать соотношение сил или расчет национальных интересов, но не способны их изменить. И потому он никогда не отвечал на призывы Рузвельта или Черчилля вернуться к товариществу военного времени.

Не исключено, что огромный престиж, приобретенный Рузвельтом, мог бы еще какое-то время удерживать Сталина в рамках умеренности. В итоге все равно Сталин бы делал уступки только «объективной» реальности; для него дипломатия была всего лишь одним из аспектов более всеобъемлющей и неизбежной борьбы за определение соотношения сил. Проблема, встававшая перед Сталиным в его взаимоотношениях с американскими лидерами, заключалась в том, что он с огромным трудом понимал, какую важную роль для них играли мораль и право применительно к внешнеполитическому мышлению. Сталин искренне не осознавал, почему для американских лидеров такое значение имеет внутреннее устройство восточноевропейских государств, коль скоро они не представляют для них никакого стратегического интереса. Американская приверженность принципу вне связи с каким-либо конкретным интересом, который лежал бы на поверхности, заставляла Сталина искать потаенные мотивы. «Боюсь, — докладывал Аверелл Гарриман в бытность послом в Москве, — что Сталин не понимает и никогда не поймет полностью нашей принципиальной заинтересованности в свободной Польше. Он реалист... и ему трудно осознать нашу приверженность абстрактным принципам. Ему затруднительно понять, отчего нам вдруг хочется вмешиваться в советскую политику в странах типа Польши, которые он считает чрезвычайно важными с точки зрения безопасности России, если у нас не имеется каких-либо скрытых мотивов...»⁵.

Сталин, мастер практического применения принципов «*Realpolitik*», должно быть, полагал, что Америка хочет воспрепятствовать установлению нового геополитического баланса, возникшего благодаря присутствию Красной Армии в центре Европейского континента. Человек с железными нервами, он был не из тех, кто может пойти на предварительные уступки; он, вероятно, решил, что гораздо лучше держать при себе все накопленные фишки и настороженно следить за обретенными выигрышами в ожидании переговоров, на которых следующий шаг пусть делают союзники. При этом Сталин воспринимал всерьез только такие шаги, последствия которых можно было бы проанализировать с точки зрения риска и вознаграждения за него. И когда союзники

не оказывали на него никакого давления, он просто подозревал подвох.

Сталин вел себя в отношении Соединенных Штатов столь же дерзко, как привык действовать по отношению к Гитлеру в 1940 году. В 1945 году Советский Союз, ослабленный потерей десятков миллионов жизней и опустошением трети своей территории, очутился лицом к лицу с не пострадавшей от войны Америкой, обладающей атомной монополией; в 1940 году перед ним оказалась Германия, осуществляющая контроль над всем остальным континентом. В каждом из этих случаев Сталин, вместо того чтобы идти на уступки, укреплял позиции советского государства и пытался блефовать перед лицом потенциальных оппонентов, что скорее двинется еще дальше на запад, чем отступит. И в каждом из этих случаев ошибочно рассчитал реакцию оппонентов. В 1940 году визит Молотова в Берлин укрепил решимость Гитлера нападать; в 1945 году тот же самый министр иностранных дел сумел превратить добрую волю Америки в конфронтацию «холодной войны».

Черчилль понял дипломатические расчеты Сталина и вознамерился им противодействовать, предприняв два собственных шага. Он настоял на как можно более ранней встрече на высшем уровне трех союзников военных лет, чтобы решить назревшие вопросы еще до того, как консолидируется советская сфера влияния. С учетом этого он хотел бы, чтобы западные державы заполучили как можно больше переговорных выгод. Возможность для этого заключалась хотя бы в том, что советские войска встретились с армиями союзников значительно восточнее, чем было предусмотрено, и что в результате этого союзные силы контролировали около трети территории, выделенной советской зоне оккупации Германии, включая подавляющую часть промышленных районов. Черчилль предложил использовать эту территорию в качестве рычага воздействия на последующих переговорах. 4 мая 1945 года он телеграфировал инструкции министру иностранных дел Идену, собиравшемуся встретиться с Трумэном в Вашингтоне:

«...Союзникам не следует отступать с занимаемых позиций к линиям зон оккупации до тех пор, пока мы не будем удовлетворены относительно Польши, а также относительно временного характера русской оккупации Германии и условий, устанавливаемых в русифицированных или подконтрольных России придунайских странах, в частности в Австрии и Чехословакии и на Балканах»⁶.

Новая американская администрация, однако, была не более благожелательна к британской «Realpolitik», чем рузвельтовская. Дипломатическая схема военных лет повторилась. Американские лидеры были в достаточной степени обрадованы и дали согласие на встречу на высшем уровне в Потсдаме, под Берлином, во второй половине июля. Но Трумэн еще не был готов принять предложение Черчилля

действовать со Сталиным, раздавая награды и назначая наказания, с тем чтобы достичь желаемых результатов. Так что трумэнская администрация оказалась столь же готовой, как и ее предшественница, преподать урок Черчиллю, показав ему, что дни дипломатии равновесия сил давным-давно миновали.

В конце июня, менее чем за месяц до назначенной встречи, американские войска отошли на согласованную демаркационную линию, не оставляя Великобритании иного выбора, как последовать их примеру. Более того, точно так же, как Рузвельт в значительной степени переоценивал возможности Великобритании, администрация Трумэна уже видела себя в роли посредника между Великобританией и Советским Союзом. Преисполненный решимости не произвести впечатления готовности на сговор против Сталина, Трумэн, к огорчению Черчилля, отклонил предложение остановиться по пути в Потсдам в Великобритании, чтобы отпраздновать англо-американскую победу.

Трумэн, однако, не испытывал угрызений совести в отношении встречи со Сталиным в отсутствие Черчилля. Прибегнув к тому же предлогу, каким воспользовался Рузвельт, когда хотел увидеться со Сталиным в Беринговом проливе — то есть указав, что он в отличие от Черчилля никогда не встречался со Сталиным, — Трумэн предложил организовать для него отдельную встречу с советским руководителем. Но Черчилль оказался столь же чувствителен к исключению из советско-американского диалога, сколь серьезно отнеслись советники Трумэна к созданию иллюзии, будто Вашингтон и Лондон работают в тандеме. Согласно мемуарам Трумэна, Черчилль раздраженно уведомил Вашингтон, что он не будет присутствовать на встрече на высшем уровне, являющейся продолжением конференции между Трумэном и Сталиным⁷. Чтобы выполнить взятую на себя роль посредника и установить прямой контакт с лидерами союзников, Трумэн решил направить эмиссаров в Лондон и Москву.

Гарри Гопкинс, давний поверенный Рузвельта, был направлен в Москву; гонец, снаряженный к Черчиллю, был, как это ни странно, отобран с точки зрения доверия к нему Сталина, а не в силу понимания этим доверенным лицом замыслов британского премьер-министра. Это был Джозеф Э. Дэвис, довоенный посол в Москве, написавший бестселлер «Миссия в Москву». И хотя Дэвис был банкиром-инвестором, то есть, в глазах коммунистов, архикапиталистом, он обладал склонностью, характерной для большинства американских послов, особенно не принадлежащих к числу дипломатов карьеры, превращаться в самозванных пропагандистов тех стран, в которых они аккредитованы. Книга Дэвиса о приключениях посла попугайски копировала все тезисы советской пропаганды по всевозможным вопросам, включая утверждения о виновности жертв показательных процессов. Направленный Рузвельтом

в военное время с миссией в Москву, уверовавший в явный подлог, Дэвис позволил себе невероятно бестактный поступок и показал фильм, снятый по мотивам его бестселлера, группе высших советских руководителей в американском посольстве. Официальный отчет сухо констатировал, что советские гости смотрели фильм с «хмурым любопытством», когда на экране доказывалась вина их бывших коллег⁸. (И недаром. Они не только знали, что к чему, но не могли не принимать в расчет возможности, что этот фильм раскрывает их будущую судьбу.) Так что Трумэн вряд ли мог найти более неподходящего человека, чтобы послать его на Даунинг-стрит и с пониманием выслушать точку зрения Черчилля на послевоенный мир.

Визит Дэвиса в Лондон в конце мая 1945 года оказался столь же сюрреалистичным, как и его военная миссия в Москву. Дэвис был гораздо более заинтересован в продолжении американского партнерства с Советским Союзом, чем в создании благоприятных условий для развития англо-американских отношений. Черчилль выразил американскому посланцу свои опасения относительно того, что Сталин хочет проглотить Центральную Европу, и подчеркнул важность объединенного англо-американского фронта для противостояния этому. На анализ Черчилля в отношении советского вызова Дэвис отреагировал тем, что сардонически спросил «Старого Льва», не сделали ли «он и Британия ошибки, не поддержав Гитлера, ибо, как я понял, теперь высказывается доктрина, которую провозглашал Гитлер и Геббельс, и берется реванш за прошедшие четыре года попыткой разрушить единство союзников при помощи принципа «разделяй и властвуй»⁹. А, по мнению Дэвиса, дипломатические отношения между Востоком и Западом могли бы зайти в никуда, если бы не базировались на вере в добрую волю Сталина.

Именно в этом духе Дэвис докладывал Трумэну. Что же касалось величия Черчилля, то, с точки зрения Дэвиса, он был «вчера, сегодня и всегда» великим англичанином, более заинтересованным в сохранении положения Англии в Европе, чем в сохранении мира¹⁰. Адмирал Леги, первоначально рузвельтовский, а теперь трумэновский начальник штаба, подкрепил точку зрения Дэвиса, ибо она была широко распространена, и сопроводил доклад Дэвиса следующим замечанием: «Это соответствует нашей штабной оценке поведения Черчилля во время войны»¹¹.

Трудно придумать лучшую иллюстрацию шахрахания Америки от «Realpolitik». Дэвис и Лети выражали открытое недовольство тем, что британский премьер-министр прежде всего заботится о британских национальных интересах — государственный деятель любой страны счел бы это за самую естественную вещь на свете. И даже несмотря на то, что поиск Черчиллем равновесия сил на континенте являлся воплощением трехвековой истории британской политики, американцы смотрели на это, как на

некую aberrацию, и противопоставляли желанию установить равновесие стремление к миру, словно цели и средства противоположны друг другу, а не дополняют друг друга.

Гопкинс, который несколько раз посещал Москву в качестве эмиссара военного времени, не осознал изменения атмосферы и стремился действовать, как и прежде. Даже с учетом этого не исключено, что его встречи со Сталиным непреднамеренно углубили пропасть в отношении Восточной Европы и ускорили начало «холодной войны». Ибо Гопкинс следовал модели поведения военных лет, подчеркивая гармонию и не обращая внимания на конфронтацию. Он не рискнул сообщить Сталину, до какой степени его курс способен повлечь за собой серьезные неприятности, всполошив американскую общественность. На протяжении всей своей дипломатической карьеры Гопкинс действовал, исходя из той предпосылки, что любые разногласия можно уладить в атмосфере понимания и доброй воли, но эти категории практически находились вне пределов сталинского понимания.

Сталин виделся с Гопкинсом шесть раз в конце мая и начале июня. Применяя обычную тактику постановки собеседника в положение обороняющегося, Сталин пожаловался на прекращение ленд-лиза и общее охлаждение советско-американских отношений. Он предупредил, что Советский Союз никогда не уступит оказываемому на него давлению, — стандартный дипломатический ход, используемый, когда участник переговоров ищет способ сохранить достоинство и одновременно определить, каких от него хотят уступок, не делая намека на то, что он на них пойдет. Сталин задался целью показать, будто не понимает озабоченности Америки свободными выборами в Польше. В конце концов, ведь Советский Союз не поднимал сходного вопроса применительно к Италии и Бельгии, где выборы тоже еще не прошли. Почему западные страны столь озабочены положением в Польше и государствах Дунайского бассейна, находящихся так близко от советских границ?

Гопкинс и Сталин фехтовали вполсилы, причем Гопкинс так и не сумел дать понять Сталину, что американцы вполне серьезно озабочены вопросами самоопределения Восточной Европы. Более того, Гопкинс следовал практике большинства американских дипломатов и выдвигал даже бесспорно серьезные доводы в такой манере, которая не позволила бы обвинить его в неуступчивости. В ожидании компромисса они дают возможность своему собеседнику найти достойный выход из положения. Обратной стороной подобного подхода является то, что когда участники переговоров с американской стороны убеждаются в отсутствии у их партнеров доброй воли, они имеют тенденцию становиться непреклонными, а по временам и жесткими.

Слабость переговорного стиля Гопкинса усугублялась тем, что оставался еще огромный запас доброй воли в отношении Сталина и Советского Союза, со-

хранившийся с военного времени. К июню 1945 года Сталин односторонне установил как восточные, так и западные границы Польши, путем зверского насилия ввел в правительство советских марионеток и откровенно нарушил данное в Ялте обещание провести свободные выборы. Даже в данных обстоятельствах Гарри Гопкинс считал для себя возможным назвать советско-американские разногласия в разговоре со Сталиным «цепью событий, малозначительных по отдельности, но наложившихся на польский вопрос»¹². Вера в эффективность тактики Рузвельта времен Тегерана и Ялты, он попросил Сталина изменить свои требования по Восточной Европе, с тем чтобы снять давление на администрацию Трумэна внутри страны.

Сталин сделал вид, что готов выслушать сообщения по поводу того, как сделать новое польское правительство соответствующим американским принципам. Он призвал Гопкинса назвать четыре-пять демократических деятелей, которых можно было бы включить в варшавское правительство, созданное, по его утверждению, Советским Союзом в «силу военной необходимости»¹³. Конечно, символическое представительство в коммунистическом правительстве не было главной целью — ею были свободные выборы. А коммунисты уже выказали потрясающее умение разваливать коалиционные правительства. В любом случае, когда Гопкинс признался, что у него нет конкретных имен лиц, которых можно было бы порекомендовать для участия в польском правительстве, у Сталина не сложилось впечатления того, что американцы в курсе всех дел, имеющих отношение к Польше.

Настаивая на свободе действий по отношению к соседям, Сталин следовал традиционной российской практике. С того момента, как Россия двумя столетиями ранее появилась на международной арене, ее руководители пытались решать споры со своими соседями путем прямых переговоров, а не посредством международных конференций. Ни Александр I в 20-е годы XIX века, ни Николай I тридцатью годами позднее, ни Александр II в 1878 году не понимали, отчего Великобритания настоятельно вмешивается в отношения между Россией и Турцией. В этих и сходных случаях русские руководители вставляли на ту точку зрения, что они имеют право на свободу действий в отношениях со своими соседями. Если им оказывалось противодействие, они стремились прибегнуть к силе. А раз прибегнув к силе, уже не отступали, разве что под угрозой войны.

Визиты трумэновских эмиссаров в Лондон и Москву доказали, кроме всего прочего, что Трумэн все еще пытался найти средний курс между рузвельтовской точкой зрения на поддержание мира, где у Америки не было бы партнеров, и ростом собственного раздражения советской политикой в Восточной Европе, по поводу которой он пока не выработал образа действий. Трумэн не был готов посмотреть в лицо геополитическим реалиям, порожденным победой,

или выбросить за борт рузвельтовское видение мира, порядок в котором поддерживается «четырьмя полицейскими». Да и Америка еще не смирилась с тем, что равновесие сил — это необходимый элемент юн международного порядка, а не aberrация европейской дипломатии.

Мечта Рузвельта по поводу «четырех полицейских» развеялась на Потсдамской конференции, продолжавшейся с 17 июля по 2 августа 1945 года. Трое руководителей встретились в Цецилиенгофе — мрачноватом загородном особняке английского типа, окруженном обширным парком, который являлся резиденцией последнего германского кронпринца. Потсдам был выбран в качестве места проведения конференции потому, что находился в советской зоне оккупации, имел железнодорожный подъезд (Сталин ненавидел самолеты) и мог быть прикрыт советскими войсками госбезопасности.

Прибывшая американская делегация находилась во власти представлений военных лет о новом мировом порядке. Инструктивный документ госдепартамента, служивший для нее путеводной нитью, утверждал, что определение сфер интересов — величайшая угроза международному миру. Опираясь на стандартные вильсонские представления, документ гласил: сферы интересов «будут представлять собой силовую политику в чистом и неприкрытом виде со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями... Нашей первейшей задачей будет устранение *причин*, заставляющих нации полагать, что такого рода сферы необходимы для обеспечения их безопасности, а не содействие одним странам накапливать силы против других стран»¹⁴. Государственный департамент не пояснил, что, в отсутствие силовой политики, может побудить Сталина пойти на компромисс или что может являться причиной конфликта, как не столкновение интересов. Тем не менее вездесущий Джозеф Дэвис, выступивший в роли советника президента по вопросам взаимоотношений с советскими руководителями, был явно в восторге от собственных рекомендаций, сводившихся к тому, что надо потакать Сталину во всем. Как-то даже, по ходу весьма напряженного обмена мнениями, Дэвис передал Трумэну записку, где говорилось: «По-моему, Сталин чувствует себя обиженным, будьте с ним поласковее»¹⁵.

Ублажать кого бы то ни было, а особенно коммунистов, не было свойственно Трумэну. И все же он сделал героическую попытку. Первоначально ему более импонировал краткий, деловой стиль Сталина, чем черчиллевское многословие. Он писал матери: «Черчилль все время разговаривает, а Сталин лишь ворчит по временам, зато ясно, чего он хочет»¹⁶. На частном обеде 21 июля Трумэн пустился во все тяжкие, как он потом признавался Дэвису: «...Мне хотелось убедить его, что мы вполне „на уровне“, заинтересованы в мире и пристойной международной обстановке и не имеем враждебных намерений

по отношению к ним; что мы не хотим для себя ничего, кроме безопасности для нашей страны, мира, дружбы и добрососедских отношений, и что добиться этого — наша совместная работа. Я „обильно мазал хлеб маслом“, и, думаю, он мне поверил. Каждое мое слово было абсолютно искренним»¹⁷. К сожалению, Сталин не привык иметь дело с собеседниками, выказывающими свою незаинтересованность в обсуждаемых вопросах.

Руководители на Потсдамской конференции постарались избежать организационных проблем, так мешавших ходу Версальской конференции. Вместо того, чтобы углубляться в детали и работать под давлением времени, Трумэн, Черчилль и Сталин ограничились обсуждением общих принципов. Последующая работа по уточнению деталей мирных соглашений с побежденными державами «оси» и их союзниками была возложена на министров иностранных дел.

Даже с учетом этих ограничений, повестка дня конференции была весьма обширной, включая в себя репарации, будущее Германии и статус таких союзников Германии, как Италия, Болгария, Венгрия, Румыния и Финляндия. Сталин дополнил этот перечень представленным им сводом требований, в свое время предъявленных Молотовым Гитлеру в 1940 году и повторенных Идену годом позже. Эти требования включали в себя более благоприятные для России условия прохода через проливы, наличие советской военной базы на Босфоре и долю итальянских колоний. Повестка дня такого объема физически не могла быть рассмотрена обеспокоенными главами правительств за двухнедельный срок.

Потсдамская конференция быстро превратилась в диалог глухих. Сталин настаивал на консолидации его сферы влияния. Трумэн и, в меньшей степени, Черчилль требовали воплотить их принципиальный подход на практике. Сталин пытался выставить условием советского признания Италии признание Западом навязанных Советским Союзом правительств Болгарии и Румынии. Одновременно Сталин стоял как стена на пути требования демократических стран провести свободные выборы в странах Восточной Европы.

В конце концов каждая из сторон воспользовалась правом вето во всех возможных случаях. Соединенные Штаты и Великобритания отказались признать сталинское требование относительно выплаты Германией репараций в размере 20 млрд. долларов (половина которых должна была пойти Советскому Союзу), а также выделение активов собственных зон на эти цели. С другой стороны, Сталин продолжал укреплять позиции коммунистических партий во всех странах Восточной Европы.

Сталин также воспользовался двусмысленностью текста Ялтинского соглашения в отношении рек Одер и Нейссе, чтобы продвинуть границы Польши еще далее на запад. В Ялте было решено, что эти

реки послужат разграничительной линией между Польшей и Германией; хотя, как уже было отмечено, никто до этого не обратил внимания, что на самом деле существуют две реки под названием «Нейссе». Черчилль понимал, что границей послужит восточная. Но в Потсдаме Сталин объявил, что он отвел всю территорию между восточной и западной реками под названием «Нейссе» Польше. Сталин четко рассчитал, что неприязнь между Германией и Польшей станет и вовсе непримиримой, если Польша получит исторические германские территории, включая старинный немецкий город Бреслау, и изгонит еще пять миллионов немцев. Американский и британский лидеры смирились со сталинским «свершившимся фактом», оградив себя бессмысленной оговоркой, что оставляют за собой окончательное мнение по вопросам границ, которое будет высказано на мирной конференции. Эта оговорка, однако, лишь увеличила зависимость Польши от Советского Союза и представляла собой немногим больше, чем пустое сотрясение воздуха, ибо речь шла о территориях, откуда уже было изгнано германское население.

Черчилль приехал в Потсдам, не слишком прочно чувствуя себя дома. И действительно, ритм конференции был фатальным образом прерван 25 июля 1945 года, когда британская делегация запросила перерыв и выехала на родину, чтобы дожидаться результатов всеобщих выборов, проводившихся впервые с 1935 года. Черчилль так и не вернулся в Потсдам, потерпев сокрушительное поражение. Его место в качестве нового премьер-министра занял Клемент Эттли, а в качестве министра иностранных дел приехал Эрнест Бевин.

Потсдам почти ничего не решил. Многие из требований Сталина были отвергнуты: база на Босфоре, заявка на советскую опеку над какой-либо из африканских территорий, принадлежавших Италии, а также стремление *установить* четырехсторонний контроль над Руром и признание Западом поставленных Москвой правительств Румынии и Болгарии. Трумэн тоже потерпел поражение по ряду предложений, самым крупным из которых был проект интернационализации Дуная. Трое глав государств все же сумели добиться кое-каких соглашений. Так, был установлен четырехсторонний механизм по рассмотрению связанных с Германией вопросов. Трумэну удалось уговорить Сталина принять его точку зрения по репарациям: каждая держава будет получать их от своей зоны оккупации. Ключевой вопрос относительно западной границы Польши был пущен на самотек: Соединенные Штаты и Великобритания согласились на сталинскую линию по Одере — Нейссе, но оставили за собой право пересмотреть это решение в более поздний срок. Наконец, Сталин согласился оказать содействие в ведении войны против Японии. Многое осталось недоделанным и в подвешенном состоянии, и, как это часто бывает, когда главы государств не способны договориться, наиболее жгучие пробле-

мы были переданы министрам иностранных дел для дальнейшего обсуждения.

Возможно, наиболее значительный инцидент во время Потсдамской конференции был связан с событием, не предусмотренным повесткой дня. В какой-то момент Трумэн отвел Сталина в сторону и сообщил ему о существовании атомной бомбы. Сталин, конечно, уже знал об этом от советских шпионов; по правде говоря, он узнал о ней задолго до Трумэна. Будучи параноиком, он, без сомнения, решил, что за сообщением Трумэна скрывается прозрачная попытка его запугать. И он предпочел не отреагировать на появление новой технологии и обесценить факт ее возникновения, не проявляя особого любопытства. «Русский премьер, — пишет Трумэн в своих мемуарах, — не выказал особого интереса. Он лишь сказал, что рад это слышать и что он надеется, что мы найдем „надлежащее применение этому против японцев“»¹⁸. Такой и оставалась советская тактика в отношении ядерных вооружений до тех пор, пока у Советского Союза не появились свои собственные.

Позднее Черчилль говорил, что если бы он был переизбран, то поставил бы в Потсдаме вопросы ребром и постарался бы настоять на их урегулировании¹⁹. Он никогда не уточнял, что конкретно имел в виду. Истина заключается в том, что Сталина можно было принудить к урегулированию лишь благодаря исключительно сильному давлению, и то только в самый последний момент, если вообще его можно было к чему-то принудить. Стремление Черчилля к достижению всеобъемлющего решения лишь подчеркивало стоявшую перед Америкой дилемму: ни один из американских государственных деятелей не был готов выдвинуть такие угрозы или осуществить такой нажим, который бы соответствовал сталинской психологии. Американские руководители еще не прониклись реальностью того, что чем больше времени будет отведено Сталину на создание однопартийных государств в Восточной Европе, тем труднее будет заставить его переменить курс. К концу войны американская публика устала от военных действий и конфронтации и превыше всего хотела, чтобы мальчики вернулись домой. Она еще не была готова к новой конфронтации и в гораздо меньшей степени — к угрозе ядерной войны в защиту границ и политического плюрализма в Восточной Европе. Единодушие в отношении противостояния дальнейшему коммунистическому натиску равнялось единодушию в отношении нежелательности идти на новый военный риск.

Любая конфронтация со Сталиным отнюдь не была похожа на салонное чаепитие. Степень готовности Сталина применять любой нажим для достижения собственных дипломатических целей была разъяснена мне Андреем Громыко, когда я беседовал с ним уже после его отставки в 1989 году. Я спросил у него, почему Советский Союз рискнул пойти на блокаду Берлина вскоре после опустошительной

войны и перед лицом ядерной монополии Америки. Значительно подбравший в отставке, Громыко ответил, что ряд советников высказывали те же самые соображения Сталину, но тот отверг их, исходя из трех предпосылок: во-первых, Соединенные Штаты, по его словам, никогда не применят ядерное оружие в связи с Берлином; во-вторых, если Соединенные Штаты попытаются провести конвой в Берлин по автостраде, им окажет сопротивление Красная Армия; наконец, если Соединенные Штаты вознамерятся атаковать по всему фронту, Сталин оставлял право принятия окончательного решения лично за собой. Похоже, если бы дело дошло до этой точки, он бы пошел на урегулирование.

Практическим результатом Потсдамской конференции было начало процесса, разделившего Европу на две сферы влияния, то есть стал осуществляться тот самый сценарий, которого американские руководители военных лет столь тщательно старались избежать. Неудивительно, что совещание министров иностранных дел оказалось не более продуктивным, чем саммит их руководителей. Обладая меньшими полномочиями, они также обладали и меньшей гибкостью. Для Молотова политическое и физическое выживание зависело от того, насколько жестко он будет следовать инструкциям Сталина.

Первая встреча министров иностранных дел состоялась в Лондоне в сентябре — начале октября 1945 года. Целью ее была выработка мирных договоров с Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией, странами, воевавшими на стороне Германии. Американская и советская позиции со времени Потсдама не изменились. Государственный секретарь Джеймс Бернс настаивал на свободных выборах; Молотов не желал и слышать об этом. Бернс надеялся, что демонстрация ужасающей силы атомной бомбы в Японии усилит положение Америки на переговорах. Вместо этого Молотов вел себя столь же нервно, как всегда. К концу конференции стало ясно, что атомная бомба не сделала Советы сговорчивее — по крайней мере, в отсутствие более явственной дипломатии угроз. Бернс заявил своему предшественнику Эдварду Р. Стеттинусу:

«...Перед нами оказалась новая Россия, полностью отличная от той, с которой мы имели дело год назад. Пока они нуждались в нас по ходу войны и мы их снабжали, между нами были удовлетворительные отношения, но теперь, когда война закончилась, они прибегают к агрессивной тактике и безапелляционно настаивают на политико-территориальных вопросах»²⁰.

Мечта о «четырех полицейских» умирала трудно. 27 октября 1945 года, через несколько недель после столь неудачной конференции министров иностранных дел, Трумэн, выступая на праздновании Дня военно-морского флота, свел воедино вопросы, касающиеся американской внешней политики, с призывом к советско-американскому сотрудничеству. Соединенные Штаты, заявил он, не ищут

себе ни территорий, ни баз, не желают «ничего, что принадлежит любой другой державе». Американская внешняя политика, будучи отражением моральных ценностей нации, «твердо основывается на фундаментальных принципах справедливости и права» и на отказе от «компромисса со злом». Ссылаясь на традиционное для Америки тождество между частной и общественной моралью, Трумэн пообещал, что «мы не пожалеем сил, чтобы ввести евангельское «золотое правило» в международные отношения во всем мире». То, что Трумэн подчеркивал моральный аспект внешней политики, послужило прелюдией к призывам крепить советско-американское примирение. Не существует «безнадежных или непримиримых» разногласий между союзниками военных лет, уверял Трумэн. «Между победоносными державами не существует столь глубокого конфликта интересов, чтобы его нельзя было разрешить»²¹.

Такого, однако, не случилось. На следующей конференции министров иностранных дел в декабре 1945 года возникли своеобразные советские «уступки». Сталин принял Бирнса 23 декабря и предложил трем западным демократиям направить комиссию в Румынию и Болгарию, чтобы дать рекомендации правительствам этих стран, как они могли бы расширить свои кабинеты, включив в их состав ряд демократических политиков. Цинизм этого предложения конечно же заключался в том, что Сталин был совершенно уверен в коммунистическом господстве над этими сателлитами и вовсе не уверовал в постулаты демократии. Таково же было мнение Джорджа Кеннана, который заклеил сталинские уступки, назвав их «фиговым листом демократической процедуры, призванным скрыть обнаженную суть сталинистской диктатуры»²².

Бирнс, однако, истолковал инициативу Сталина как демократический жест во исполнение Ялтинского соглашения и позволил себе признать Болгарию и Румынию еще до подписания мирного договора с этими странами. Трумэн был взбешен тем, что Бирнс пошел на компромисс, не посоветовавшись с ним. Правда, слегка поколебавшись, Трумэн согласился с Бирнсом, но это стало началом отчуждения между президентом и его государственным секретарем, что в течение года привело к отставке Бирнса.

В 1946 году состоялись еще две встречи министров иностранных дел в Париже и Нью-Йорке. Там была доведена до конца выработка текстов сопутствующих договоров, но там же проявилось и усиление напряженности, вызванное превращением Восточной Европы в политический и экономический придаток Советского Союза.

Культурная пропасть между американскими и советскими руководителями способствовала началу «холодной войны». Американские участники переговоров действовали так, словно одно лишь упоминание своих юридических и моральных прав должно привести к желаемым результатам. Но Сталину требовались

гораздо более убедительные причины, которые бы заставили его переменить свой курс. Когда Трумэн говорил о евангельском «золотом правиле», американская аудитория воспринимала его буквально и искренне верила в возможность существования мира, управляемого на основе норм права. Для Сталина слова Трумэна представляли собой бессмыслицу, если не очередную хитрость. Тот новый международный порядок, который имел в виду Сталин, представлял собой панславизм, подкрепленный коммунистической идеологией. Югославский коммунист диссидент Милован Джилас припоминает беседу, в ходе которой Сталин заявил: «Если славяне останутся едины и проявят солидарность, то никто в будущем не будет в состоянии даже шевельнуть пальцем. Одним только пальцем!» — повторил Сталин, подчеркивая мысль угрожающим движением указательного перста²³.

Парадоксально, но сползание к «холодной войне» ускорялось тем, что Сталин прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько на самом деле слаба его страна. Советская территория к западу от Москвы была опустошена, ибо стандартной практикой отступающих армий — вначале советской, потом немецкой — было взрывать чуть ли не каждую трубу, чтобы лишить наступающих преследователей крова в условиях ужасного русского климата. Число советских потерь от войны (включая гражданских лиц) — свыше 20 миллионов. В дополнение к этому реестр жертв сталинских чисток, пребывания в лагерях, принудительной коллективизации и преднамеренно организованного голода составляет еще примерно 20 миллионов, при 15 миллионах, которым удалось пережить заключение в ГУЛАГ²⁴. И теперь эта изможденная страна оказалась лицом к лицу с Америкой, совершившей технологический прорыв и создавшей атомную бомбу. Неужели это означало, что наконец-то настал тот самый миг, которого так страшился Сталин, и капиталистический мир теперь сможет навязать свою волю? Неужели все страдания и лишения, невыносимые даже по российским предельно антигуманным и тираническим стандартам, не принесли ничего лучшего, чем одностороннюю выгоду для капиталистов?

С почти отчаянной бравадой Сталин предпочел делать вид, будто Советский Союз действует с позиции силы, а не слабости. Добровольные уступки, по представлению Сталина, являются признанием собственной уязвимости, а любую демонстрацию подобного рода он воспринимал как призыв к новым требованиям и новому нажиму. Поэтому он держал свои войска в центре Европы, где постепенно насаждал советские марионеточные правительства. Заходя еще дальше, Сталин создавал имидж столь неумолимой свирепости, что многие даже предполагали, что он готовится к прыжку к Ла-Маншу — впоследствии эти опасения были признаны химерическими.

Сталин сочетал преувеличение советской мощи и воинственности с систематическими попытками принизить могущество Америки, особенно ее наибо-

лее мощного оружия — атомной бомбы. Сталин первым задал тон в этом хоре показной индифферентности, когда Трумэн известил его о существовании бомбы. Коммунистическая пропаганда, подкрепленная заявлениями благонамеренных академических попутчиков во всему земному шару, старалась внушить, что якобы появление ядерного оружия не отменяет законов военной стратегии и что стратегическая бомбардировка может оказаться неэффективной. В 1946 году Сталин заложил основы официальной доктрины: «Атомные бомбы предназначены для того, чтобы пугать слабонервных, но они не могут решить исхода войны...»²⁵. В советских публичных выступлениях это заявление Сталина было мгновенно положено в основу различия между «временным» и «постоянным» стратегическими факторами, где атомная бомба классифицировалась как фактор временного характера. «Поджигатели войны, — писал в 1949 году маршал авиации Константин Вершинин, — преувеличивают роль военно-воздушных сил сверх всякой меры... [рассчитывая на то], что народы СССР и стран народной демократии будут напуганы так называемой „атомной“ или „кнопочной“ войной»²⁶.

Обычный лидер избрал бы для общества, измененного войной и нечеловеческими лишениями, ей предшествовавшими, передышку. Но демонический советский Генеральный секретарь не пожелал сделать никакого послабления: он, вероятно, рассчитал — и, по-видимому, был прав, — что стоит дать своему обществу вздохнуть полной грудью, оно начнет задавать вопросы, касающиеся самих основ коммунистического правления. В своем обращении к командному составу победоносной Красной Армии вскоре после перемирия в мае 1945 года Сталин в последний раз воспользовался эмоциональной риторикой военного времени. Обратившись к собравшимся: «Мои друзья, мои соотечественники!», он так описал отступление 1941 и 1942 года:

«Другой народ мог бы сказать правительству: „Вы не оправдали нашего доверия, уходите; мы поставим новое правительство, которое подпишет с немцами мир и даст нам передышку“. Но русский народ не пошел этим путем, потому что верил в политику своего правительства. Спасибо тебе, великий русский народ, за доверие!»²⁷.

Это было последнее признание Сталиным своей способности совершать ошибки и последнее его обращение к народу в качестве главы правительства. (Интересно, что в своем обращении Сталин отдает должное только русскому народу, но не другим национальностям советской империи.) В течение нескольких месяцев Сталин опять вернется на прежний пост Генерального секретаря Коммунистической партии, который станет основой его власти, и его манера обращения к советскому народу вновь включит в себя стандартное коммунистическое «товарищи» — Коммунистической партии он отдавал исключительные заслуги в деле победы советского народа.

В еще одной основополагающей речи, 9 февраля 1946 года, Сталин определил порядок действий на послевоенный период:

«Наша победа означает прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй успешно выдержал испытания в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность... [Война показала, что]... советский общественный строй является вполне жизнеспособной и устойчивой формой организации общества по сравнению с несоветским общественным строем...»²⁸.

Описывая причины возникновения войны, Сталин выказал истинно коммунистическую убежденность: война, заявлял он, была вызвана не Гитлером, но порождена самой капиталистической системой:

«Марксисты утверждают, что капиталистическая система мирового хозяйствования содержит в себе элементы кризиса и войны, что развитие мирового капитализма происходит не по прямой и не в одном направлении, а следует путем кризисов и катастроф. Неравномерное развитие капиталистических стран со временем приводит к резкому ухудшению отношений между ними, и группа стран, считающих себя обделенными сырьем и рынками сбыта, обычно пытается изменить подобную ситуацию, изменить положение вещей в свою пользу посредством вооруженной силы»²⁹.

Если бы сталинский анализ был верен, то не было бы существенной разницы между Гитлером и союзниками СССР в войне с Гитлером. Новая война рано или поздно становилась неизбежной, и то состояние, в котором находился Советский Союз, представляло собой перемирие, а не настоящий мир. Задача, которую Сталин ставил перед Советским Союзом, была та же самая, что и перед войной: стать достаточно сильными, чтобы превратить неизбежный конфликт в капиталистическую гражданскую войну и отвести удар от коммунистического отечества. Уходит в небытие неясная перспектива мирной передышки и облегчения повседневной участи советских народов. Делается упор на развитие тяжелой промышленности, продолжение коллективизации сельского хозяйства и сокрушение внутренней оппозиции.

Речь Сталина соответствовала стандартному довоенному образцу: она представляла собой катехизис, где Сталин вначале ставил вопросы, а потом отвечал на них. Для потрясенной аудитории рефрен был слишком знаком: пока еще неназванным врагам угрожали уничтожением за попытку помешать строительству социализма. С учетом личного опыта почти каждого советского человека эти заявления вовсе не воспринимались как пустые угрозы. Одновременно Сталин выдвигал новые амбициозные задачи: удесятерить производство чугуна, увеличить в пятнадцать раз выплавку стали и учетверить добычу нефти. «Только в этом случае наша страна будет гарантирована от случайностей. На это, вероятно, уйдет три пятилетки, если не больше. Но это выполнимо, и мы

должны это сделать»³⁰. Три пятилетки означали, что никто из уцелевших в период чисток и во время Второй мировой войны не дожидается нормальной жизни.

Когда Сталин произнес эту речь, министры иностранных дел победоносного союза все еще регулярно встречались, американские войска быстрыми темпами выводились из Европы, а Черчилль еще не произнес свою речь про «железный занавес». Сталин восстанавливал политику конфронтации с Западом, потому что понимал, что сформированная им Коммунистическая партия не устоит в условиях международного и внутреннего окружения, нацеленного на мирное сосуществование.

Не исключено — я даже думаю, наиболее вероятно, — что Сталин не столько специально создавал систему стран-сателлитов, сколько набирал карты-козыри для неизбежного дипломатического противостояния. На деле вызов сталинскому абсолютному контролю над Восточной Европой делался демократическими странами чисто риторически и не воспринимался Сталиным действительно серьезно. В результате этого Советский Союз оказался в состоянии превратить военную оккупацию в сеть режимов-сателлитов.

Реакция Запада на собственную ядерную монополию усугубляла патовую ситуацию. По иронии судьбы ученые, задавшиеся целью предотвратить ядерную войну, начали поддерживать потрясающее предположение, будто бы ядерное оружие якобы не отменяет уроков, преподанных Второй мировой войной, а именно того, что стратегические бомбардировки решающим фактором не являются³¹. В то же самое время широчайшим образом распространялась кремлевская пропаганда относительно неизменности стратегической обстановки. Но причина того, что американская военная доктрина 1940-х годов соответствовала именно этой точке зрения, имеет под собой также чисто бюрократическое обоснование. Начальники американских военных служб, отказываясь признать один вид оружия решающим, делали свои организации более незаменимыми. В оправдание этого они разработали концепцию, согласно которой ядерное оружие рассматривалось, как просто более мощная и эффективная взрывчатка, которую можно использовать в общестратегических целях на основе опыта Второй мировой войны. В период относительно большего могущества демократических стран эта концепция приводила к ложной оценке, будто бы Советский Союз сильнее в военном отношении, поскольку располагает более крупными традиционными вооруженными силами.

Как и в 1930-е годы, Черчилль, ныне лидер оппозиции, попытался призвать демократические страны решать насущные задачи. 5 марта 1946 года в городе Фултоне, штат Миссури, он забил в набат по поводу советского экспансионизма³², заявив о «железном занавесе», который опустился «от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике». Советы, сказал Черчилль,

установили прокоммунистические правительства в каждой стране, которая была оккупирована Красной Армией, а также в советской зоне послевоенной Германии. При этом он не мог удержаться и не заметить, что наиболее полезная часть последней была передана Советам Соединенными Штатами. В итоге это давало «побежденным немцам обрести возможность выставить себя на аукцион между Советами и западными демократиями».

Черчилль сделал вывод, что необходим союз между Соединенными Штатами и Британским Содружеством наций для того, чтобы отразить надвигающуюся угрозу. Долгосрочным решением, однако, по его словам, является европейское единство, «от которого не может быть навеки отлучена ни одна страна». Черчилль, первый и ведущий оппонент Германии 1930-х, стал, таким образом, первым и ведущим защитником Германии 1940-х. Центральной темой Черчилля, однако, было то, что время не на стороне демократических стран и всеобщего урегулирования надо добиваться как можно скорее:

«Я не верю в то, что Советская Россия жаждет войны. То, чего они хотят, — это плодов войны и безграничного распространения своей власти и своих доктрин. Но сегодня, пока еще остается время, мы здесь должны рассмотреть возможность перманентного предотвращения войны и создания в самый кратчайший срок условий для свободы и демократии в каждой стране. Наши затруднения и опасения не могут быть устранены, если мы закроем на них глаза. Они не будут устранены, если мы станем пассивно смотреть, что случится; не будут они и устранены при помощи политики умиротворения. Необходимо именно урегулирование, и чем дольше оно будет откладываться, тем более трудным станет и тем большими станут наши опасения»³³.

Взывающие к разуму пророки редко почитаются в своем отечестве, ибо их роль переходит пределы опыта и воображения своих современников. Они добиваются признания только тогда, когда их предвидение обращается в опыт, короче говоря, когда их проницательность уже не дает возможности обрести преимущества. Судьбою Черчилля стало быть отвергнутым своими соотечественниками, за исключением короткого времени, когда на карту было поставлено их выживание. В 1930-е годы он призывал свою страну вооружаться, в то время как его современники стремились вести переговоры; в 1940-е и 1950-е он настаивал на дипломатическом противостоянии, в то время как его современники, зачарованные вымышленными ими же представлениями о собственной слабости, были более заинтересованы в накоплении сил.

В конце концов, орбита советских сателлитов формировалась постепенно, причем отчасти по недосмотру. Анализируя речь Сталина, где упоминались три пятилетки, Джордж Кеннан писал в своей знаменитой «длинной телеграмме», как Сталин реагирует на серьезное давление извне: «Интервенция

против СССР, какой бы катастрофической она ни оказалась для тех, кто ее предпримет, вновь задержала бы развитие советского социализма и должна быть предотвращена *любой ценой*³⁴. Сталин не мог одновременно модернизировать Советский Союз и идти на конфронтацию с Соединенными Штатами. Многократно упоминавшееся в прессе советское вторжение в Западную Европу было всего лишь фантазией; вероятнее всего, Сталин бы отступил перед лицом серьезной конфронтации с Соединенными Штатами — хотя поначалу, конечно, прошел бы определенный путь, чтобы подвергнуть испытанию серьезность решимости Запада.

Сталин сумел навязать Восточной Европе свои границы, не подвергая себя неоправданному риску, поскольку его войска уже оккупировали территории, о которых шла речь. Но когда дело дошло до введения в этих странах режимов советского типа, он оказался более осмотрительным. В первые два послевоенных года только Югославия и Албания установили у себя коммунистические диктатуры. Прочие пять стран, которые позднее стали советскими сателлитами: Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша и Румыния — имели коалиционные правительства, где коммунисты были самой сильной, но не неуязвимой партией. Две из этих стран: Чехословакия и Венгрия — провели выборы в первый же год после войны, и у них была настоящая многопартийная система. Да, конечно, велось систематическое шельмование некоммунистических партий, особенно в Польше, но еще не практиковалось непосредственное их подавление Советами.

Еще в сентябре 1947 года Андрей Жданов, который какое-то время считался ближайшим соратником Сталина, выделял две категории государств, входивших, согласно его терминологии, в «антифашистский фронт» Восточной Европы. В речи, провозглашающей образование Коминформа, официального объединения коммунистических партий мира, ставшего наследником Коминтерна, он назвал Югославию, Польшу, Чехословакию и Албанию «странами новой демократии» (что довольно странно звучало применительно к Чехословакии, где коммунистический переворот еще не свершился). Болгария, Румыния, Венгрия и Финляндия были помещены в другую, пока еще безымянную категорию³⁵.

Означало ли это, что сталинский запасной вариант по Восточной Европе представлял собой предоставление этим странам статуса, аналогичного Финляндии, — демократического национально-государства, однако с уважением относящегося к советским интересам и проблемам? Пока не будут раскрыты советские архивы, мы вынуждены довольствоваться догадками и предположениями. Зато мы знаем наверняка, что когда Сталин заявлял Гопкинсу в 1945 году, что он хочет иметь дружественное, но не обязательно коммунистическое правительство в Польше, его проконсулы на деле занимались аб-

солютно противоположным. Через два года, когда Америка приступила к осуществлению греко-турецкой программы помощи и стала формировать из трех западных оккупационных зон Германии государство, получившее затем наименование «Федеративная Республика», Сталин имел очередную беседу с американским государственным секретарем. В апреле 1947 года, после восемнадцати месяцев тупиковых по сути и все более острых по форме встреч министров иностранных дел четырех держав и целой серии советских угроз и односторонних шагов, Сталин пригласил Маршалла на встречу, оказавшуюся весьма продолжительной. В ходе ее он подчеркнул, что придает огромное значение всеобъемлющей договоренности с Соединенными Штатами. Тупики и конфронтации, утверждал Сталин, «были лишь первыми незначительными схватками и стычками рекогносцировочных сил»³⁶. Сталин заявлял, что компромисс возможен по «всем основным вопросам», и настаивал на том, что «необходимо проявить терпение и не впадать в пессимизм»³⁷.

Если Сталин говорил серьезно, то мастер расчетов просчитался. Ибо, коль скоро была уже разрушена вера Америки в его добрую волю, путь назад для него становился тернист. Сталин зарвался, отстаивая свою позицию, ибо никогда не понимал психологии демократических стран, особенно Америки. Результатом стал «план Маршалла», Атлантический пакт и наращивание Западом военных потенциалов, что, безусловно, в его условия игры не входило.

Черчилль почти наверняка был прав: лучшим временем для политического урегулирования был момент сразу же после окончания войны. Пошел бы Сталин на значительные уступки или нет, зависело тогда от правильности выбора времени для переговоров и от серьезности, с которой ему были бы поданы предложения и обрисованы последствия его отказа. Чем скорее бы это состоялось, тем больше были бы шансы на успех при минимальных потерях. По мере ускорения американского ухода из Европы ухудшалось переговорное положение Запада — по крайней мере, до тех пор, пока не были провозглашены «план Маршалла» и НАТО.

На момент сталинской беседы с Маршаллом в 1947 году советский диктатор обыграл сам себя. Теперь в Америке ему так же не доверяли, как раньше полагались на его добрую волю. Даже если скачок Америки от доброй воли в чистом виде к неприкрытой подозрительности и был чересчур стремительным, он тем не менее явился отражением новых международных реалий. Теоретически можно было бы провести консолидацию единого фронта демократических стран и одновременно вести переговоры с Советским Союзом по поводу всеобщего урегулирования. Но американские лидеры и их коллеги в Западной Европе были убеждены, что единство и моральный уровень Запада чересчур хрупки, чтобы испытывать их двойственно-противоречивой стратегией. Как во Фран-

ции, так и в Италии коммунисты являлись второй по величине партией. Федеративная Республика Германии, которая тогда находилась в процессе формирования, разошлась по вопросу, не следует ли ей искать национального единства посредством нейтрализма. В Великобритании так же, как и в Соединенных Штатах, громкий голос движения за мир бросал вызов только что нарождающейся политике «сдерживания».

В радиообращении 28 апреля государственный секретарь Маршалл указал, что Запад прошел точку, за которой уже нет возврата, в своих отношениях с Советским Союзом. Он отверг сталинский намек на компромисс на том основании, что «мы не можем игнорировать связанный с этим фактор времени. Восстановление Европы идет гораздо более медленными темпами, чем мы надеялись. Силы распада действуют

все более явственно. Состояние здоровья больного ухудшается, в то время как доктора совещаются. И потому я полагаю, что действие не может ждать компромисса посредством истощения... Любые возможные действия, способные справиться с этими насущными проблемами, должны быть предприняты незамедлительно»³⁸.

Америка предпочла западное единство переговорам Востока с Западом. Другого выбора у нее, по правде говоря, не было, ибо она более не могла рисковать и следовать намекам Сталина. Правда была слишком ясна: он использует переговоры, чтобы подорвать новый международный порядок, который пыталась создавать Америка. Сдерживание стало ведущим принципом западной политики, и оно оставалось таковым на протяжении последующих сорока лет.

¹ Бернс. Рузвельт: солдат свободы. С. 448–449.

² Приводится у Силига. Изоляционистский импульс. С. 285.

³ Это заявление Трумэна относится к концу мая 1945 г., оно было высказано на встрече с лидерами Национального комитета политических действий граждан и приводится в кн. Richard J. Walton. *Henry Wallace, Harry Truman and the Cold War* (Уолтон Ричард Дж. Генри Уоллес, Гарри Трумэн и холодная война). N. Y.: Viking Press, 1976. P. 119.

⁴ Обращение, сделанное на совместном заседании обеих палат Конгресса 16 апреля 1945 г. // *Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman* (Официальные документы президентов соединенных Штатов, Гарри С. Трумэн). Том «1945 год». Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1961. P. 5. (Далее — Документы Трумэна). Повторно приводится на с. 22 в обращении Трумэна от 25 апреля 1945 г.

⁵ W. Averell Harriman and Elie Abel. *Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946* (Гарриман В. Аверелл и Абель Эли. Посол по особым поручениям при Черчилле и Сталине, 1941–1946). N. Y.: Random House, 1975. P. 474.

⁶ Черчилль Уинстон С. Вторая мировая война. Т. 6 Триумф и трагедия. С. 503.

⁷ Harry S. Truman. *Years of Decisions* (Трумэн Гарри С. Годы решений). V. 1. N. Y.: Doubleday, 1955. P. 260.

⁸ Файс. Черчилль, Рузвельт, Сталин. С. 133.

⁹ Там же. С. 652.

¹⁰ Fleet Admiral William D. Leahy. *I Was There: The Personal History of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman Based on His Notes and Diaries Made at the Time* (Вильям Д. Лиги, адмирал флота. Я там был: личные воспоминания начальника аппарата президентов Рузвельта и Трумэна на базе заметок и дневниковых записей, сделанных в то время). N. Y.; L.; Toronto: Whittlesey House/McGraw-Hill Book Company, 1950. P. 379–380.

¹¹ Там же. С. 380.

¹² Приводится в кн. Шервурда. Рузвельт и Гопкинс. С. 890.

¹³ Там же. С. 908.

¹⁴ Ознакомительная брошюра «Британские планы создания западноевропейского блока» государственного департамента, 4 июля 1945 г. U.S. Department of State. *Foreign Relations of the United States: The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945* (Государственный департамент США. Международные отношения Соединенных Штатов: Берлинская конференция (Потсдамская конференция) 1945 года). Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office. V. I. P. 262–263.

¹⁵ Приводится в кн.: Terry N. Anderson. *The United States, Great Britain and the Cold War, 1944–1947* (Андерсон Терри Х. Соединенные Штаты, Великобритания и холодная война, 1944–1947). Columbia, Mo.: University of Missouri Press, 1981. P. 69.

¹⁶ Приводится в кн. Robert J. Donovan. *Conflict and Crisis: The Presidency of Harry S. Truman 1945–1948* (Донован Роберт Дж. Конфликт и кризис: президентство Гарри С. Трумэна в период с 1945 по 1948 год). N. Y.: W.W.Norton, 1977. P. 81.

¹⁷ Цит. там же. С. 84.

¹⁸ Трумэн, Годы решений. С. 416.

¹⁹ Черчилль, Триумф и трагедия. С. 582.

²⁰ Приводится в кн.: John Lewis Gaddis. *The United States and the Origins of the Cold War* (Гэддис Джон Льюис. Соединенные Штаты и причины возникновения холодной войны). N. Y.: Columbia Univ. Press, 1972. P. 266.

²¹ Обращение Трумэна по вопросам внешней политики на праздновании Дня военно-морского флота в Нью-Йорке 27 октября 1945 г. // Документы Трумэна. Т. «1945 год». С. 431–438.

²² Приводится у Гэддиса. Причины возникновения холодной войны. С. 280.

²³ Джилас. Беседы со Сталиным, 1962. С. 114.

²⁴ Robert Conquest. *The Evil of This Time* (Конквест Роберт. Зло нынешнего времени). — *New York Review of Books*. V. XI. № 15 (23 сентября 1993 г.). P. 27. [787]

- ²⁵ Приводится в книге автора *Nuclear Weapons and Foreign Policy* (Ядерное оружие и внешняя политика). P4. N.Y.: Harper & Brothers, publishing for the Council on Foreign Relations, 1957. P. 367.
- ²⁶ Там же. С. 371.
- ²⁷ Приводится в кн. Буллока. Гитлер и Сталин, 1992. С. 907.
- ²⁸ Предвыборное обращение Иосифа Сталина по московскому радио 9 февраля 1946 г. «Новая пятилетка для России» // *The New York Times* от 10 февраля 1946 г.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См.: P. M. S. Blackett. *Atomic Weapons and East-West Relations* (Блэккетт П. М. С. Атомное оружие и отношения между Востоком и Западом). N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1956.
- ³² Речь Уинстона С. Черчилля. «Мускулы мира», произнесенная 5 марта 1946 г. в Вестминстерском колледже, Фултон, штат Миссури (Фултонская речь) // Robert Rhodes James, ed. *Winstone S. Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963* (Уинстон С. Черчилль. Полное собрание речей с 1897 по 1963 год). N.Y.; L.: Chelsea House in association with R.R. Bowker. V. VII. «1943–1949». p. 7285 ff.
- ³³ Там же. С. 7292.
- ³⁴ George F. Kennan. «Long Telegram» from Moscow, February 22, 1946 (Кеннан Джордж Ф. «Длинная телеграмма» из Москвы от 22 февраля 1946 года) // *Foreign Relations of the United States, 1946* (Внешние сношения Соединенных Штатов, 1946 год). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969. V. VI. P. 697.
- ³⁵ Жданов Андрей. «Доклад о международном положении», произнесенный на учредительной конференции Коминформа в сентябре 1947 г. Приводится по материалам комитета по иностранным делам палаты представителей США *The Strategy and Tactics of World Communism* (Стратегия и тактика мирового коммунизма), приложение I «Сто лет коммунизма: 1848 — 1948», 80th Cong., 2nd sess., doc. № 619 Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1948. P. 211. ff.
- ³⁶ Буллок. Гитлер и Сталин. С. 922.
- ³⁷ Там же. С. 923.
- ³⁸ Радиообращение от 28 апреля 1947 г. // Бюллетень государственного департамента США. Т. XVI. № 410. С. 924.